

Третьего числа второго месяца четвёртого года правления Цзинлун — особенная дата в карьере Тянь Ци. Ровно семь лет назад в этот день она стала евнухом.

Семь лет назад, в свои одиннадцать, она, движимая некими тайными причинами, воспользовалась лазейками в управлении Запретным городом и пробралась во дворец. Спустя два года скончался прежний император, на престол взошел нынешний, а на следующий год началось летоисчисление Цзинлун, которое продолжается и по сей день.

Тянь Ци до сих пор помнила суматоху во время похорон старого императора. Тогда она была лишь никчемным мелким слугой, много дней подряд носила траур и под присмотром главного евнуха выводила положенные по уставу заунывные стоны, изображая скорбь.

Теперь она всё та же мелкая сошка. Она снова в трауре. Она снова скорбит.

На сей раз скорбь была самой настоящей, хоть в гроб ложись!

В этот раз скончалась Цзеюй Сун, которой Тянь Ци прослужила всего полмесяца. А ведь полмесяца назад она приложила недюжинные усилия, раздала кучу денег и задействовала связи, чтобы попасть к ней в услужение.

Пусть Цзеюй Сун имела лишь четвертый ранг, перспективы у неё были блестящие. Раньше она была всего лишь скромной Цайжэнь, но меньше чем за полгода в гареме завоевала любовь императора, а затем забеременела. Император был так доволен, что сразу пожаловал ей титул Цзеюй. Стоило ей родить наследника, как повышение стало бы неизбежным — в худшем случае до ранга Чжаои.

Все знают, что нужно греться у горячего очага, поэтому место рядом с Цзеюй Сун было нарасхват. До этого Тянь Ци служила в Управлении внутренних дел обычным Чансуем шестого ранга, но потратила больше половины своих сбережений, чтобы получить должность Цзяньчэна в одном из захолустных департаментов — это уже пятый ранг. Получив этот пост, она смогла приблизиться к госпоже в павильоне Тяньсян. Ей повезло: прежнего евнуха госпожи поймали на махинациях, и Тянь Ци заняла его место, вызвав жгучую зависть у всех остальных.

Цзяньчэн Тянь была хороша собой, язык у неё был подвешен, а голова работала быстро — госпожа души в ней не чаяла. Не прошло и полмесяца, как они стали неразлучны, и госпожа даже начала доверять ей как самой близкой слуге.

Казалось, будущее безоблачно, но кто бы мог подумать: роды прошли тяжело, и Цзеюй Сун скончалась. Не спасли ни мать, ни ребенка. Бедный маленький принц, с такими крепкими ручками и ножками, такой пухленький — а когда его вынесли, он уже не дышал.

Тянь Ци рыдала, разрываясь от боли. Больше двухсот лянов серебра, столько молитв и поклонов — да ты издеваешься надо мной, Небо!

Конечно, было жаль и саму госпожу: она действительно хорошо относилась к своей слуге.

При мысли о ней Тянь Ци невольно вспомнила двух своих предыдущих хозяек. Обе были настоящими красавицами, способными покорить сердце императора, но, как на грех, обе скончались в течение месяца после того, как Тянь Ци заступала к ним на службу.

А теперь взглянуть на эту... Да чтоб тебя!

Павильон Тяньсян был местом, где жила Цзеюй Сун, там же стоял и её гроб. Детей у неё не осталось, единственный ребенок лежал сейчас у неё на руках, так что по ночам у гроба никто не дежурил. Ранг у неё был низкий, сыновьям императора стоять в карауле не полагалось.

Пришлось всё делать евнухам.

Тянь Ци вызвалась добровольцем. В конце концов, она была старшей по званию в павильоне Тяньсян, да и госпожа её любила — охранять её покой было её долгом.

Дежурить в одиночестве у гроба в холодную весеннюю ночь — удовольствие сомнительное. Видимо, даже Небо сочло смерть госпожи несправедливой, и ударил такой мороз, что кончики пальцев онемели. Начало весны, жаровни с углем убрали, а просить кого-то разжечь новую Тянь Ци не решилась. Огонь в чаше для сжигания жертвенной бумаги тепла почти не давал. Она стояла на коленях, спрятав руки в рукава, и ёжилась от ветра, проникавшего в павильон.

Снова хотелось плакать.

Семь лет она копила деньги, и всё, черт возьми, уходило на взятки. Но стоило заплатить — и хозяин умирал. Один за другим, один за другим... Как же это горько, утомительно и невыносимо!

Тянь Ци чувствовала себя игрушкой в руках судьбы.

Она снова разрыдалась, слезы застилали глаза. Она зажмурилась и завывала в голос — всё равно никого нет, можно не заботиться о приличиях.

Если кто спросит, скажет, что горе было слишком велико и она не смогла сдержаться.

Поплакав, она пошарила рукой по полу, нащупала платок, вытерла лицо и бросила его обратно.

И завывала снова.

В погребальном зале было пусто и холодно. По углам висели белые полотнища, двери были

распахнуты настежь, ветер раскачивал белые флаги, и пламя свечей дрожало, словно приветствуя дух усопшей.

На полу на коленях сидела фигура. Сгорбленная спина, опущенные плечи, тело сотрясало от рыданий.

По залу разносился плач: — Госпожа... почему вы нас покинули... — Она всхлипнула, шмыгнула носом и продолжила: — Что же мне теперь делать без вас...

Именно это увидел Цзи Хэн, едва переступив порог.

Услышав этот вой, Цзи Хэн нахмурился. Вчера был праздник Дракона, отличный день, и весть о родах Цзеюй Сун должна была стать двойной радостью, но вышло иначе — двое погибших. Он прождал у родильной палаты весь день, от рассвета до заката, и когда услышал, что спасти никого не удалось, не поверил своим ушам. Он было встал, но пошатнулся, и его под руки увели во дворец Цяньцин.

В итоге он так и не успел попрощаться с Цзеюй Сун.

Днем он уже заходил сюда. Сегодня вечером у него не было желания никого вызывать к себе, во дворце Цяньцин было пусто, и он, выйдя прогуляться, сам не заметил, как дошел до павильона Тяньсян. Евнухи на посту у входа собирались доложить о его приходе, но он жестом остановил их.

Не стоит тревожить покой усопшей.

Цзи Хэн вошел в зал, увидел одинокую фигуру Тянь Ци, услышал причитания — жалобные, скорбные и немного... назойливые.

Днем он видел здесь многих плачущих, но кто из них был искренен, а кто притворялся — бог весть. Но сейчас, в тишине, этот человек продолжал рыдать так безутешно... Видимо, это было по-настоящему.

Цзи Хэн беззвучно вздохнул. Невероятно, что после смерти Цзеюй Сун нашелся кто-то, кто так убивается. Дух госпожи наверняка найдет в этом утешение.

Слуга оказался преданным и чистосердечным.

Следом за Цзи Хэном шел главный евнух Шэн Аньхуай. Увидев, как самозабвенно рыдает человек на полу, он хотел было прикрикнуть, чтобы тот обернулся и поприветствовал императора, но не успел открыть рот — Цзи Хэн, словно имея глаза на затылке, поднял руку, запрещая ему говорить.

Цзи Хэн подошел ближе. Он остановился рядом с Тянь Ци, глядя на гроб, и не смотрел под ноги.

Его расшитые золотом сапоги из черного атласа наступили прямо на влажный платок. Он даже не заметил.

Шэн Аньхуай видел это, но сделал вид, что ничего не происходит. Только дурак стал бы напоминать императору, что тот наступил на чужую вещь.

Цзи Хэн постоял некоторое время, охваченный чувствами. В груди теснились слова, которые он не мог произнести, и в итоге всё вылилось в тяжелый вздох.

Этот вздох потонул в громком плаче Тянь Ци, поэтому она ничего не заметила. Она всё еще сидела с закрытыми глазами, лицо её было мокрым от слез, и она потянулась рукой к тому месту, где лежал платок.

Не успела рука коснуться пола, как она нащупала ткань. Тянь Ци, одуревшая от рыданий, даже не подумала, что это, схватила её и принялась яростно вытирать лицо.

Шэн Аньхуай, стоявший сзади, вытаращил глаза.

Зрелище было столь шокирующим, что опытный евнух с тридцатилетним стажем на мгновение остолбенел, превратившись в статую.

Вытерев слезы, Тянь Ци не удовлетворилась этим, шмыгнула носом и прижала ткань к лицу.

Цзи Хэн, немного успокоившись, хотел было утешить безутешного евнуха и заодно пожаловать награду за преданность.

Он опустил голову и увидел, что этот самый евнух вытирает сопли о край его собственного халата.

Цзи Хэн: — ...

— Дерзость! — рявкнул Шэн Аньхуай, чем до смерти перепугал и императора, и Тянь Ци.

Цзи Хэн снова поднял руку, приказывая замолчать.

Тянь Ци открыла глаза и увидела, что держит в руках: белоснежный шелк с нежно-голубым узором. Этот шелк из префектуры Сунцзян стоил бешеных денег — она бы с ума сошла, если бы использовала такую ткань как носовой платок.

Сердце у неё ушло в пятки. Взгляд пополз вверх по ткани. Над синими волнами плыли облака, в тумане извивался дракон — пять когтей, не четыре. Она, не желая верить в худшее, перевела взгляд выше, мимо пояса императора, на пряжку с драгоценным камнем.

Видимо, она смотрела слишком пристально, потому что Цзи Хэн почувствовал, как её взгляд словно пальцы ощупывает его снизу вверх.

Цзи Хэн, которому в жизни не раз приходилось флиртовать, внезапно почувствовал, что флиртуют с ним — причем евнух. Он смутился, но сохранил невозмутимый вид, сцепил руки за спиной и посмотрел вниз.

Взгляд Тянь Ци дополз до лица императора. Красавец, от которого веяло холодной свежестью, с благородными чертами лица, сейчас был омрачен гневом. Он хмуро разглядывал её.

— А-а-а! — Тянь Ци, охваченная ужасом, взвизгнула и покатилась в сторону.

Цзи Хэн невольно коснулся своего лица. Неужели он выглядит так страшно?

Тянь Ци осознала, что натворила — она вытирала сопли об одежду императора...

Мамочки! Она, не раздумывая, развернулась и бухнулась на колени, начав отчаянно бить поклоны. Лоб с глухим стуком ударялся о пол, и этот звук, разносившийся по залу, звучал весьма зловеще.

— Сын ваш проявил неуважение перед лицом императора, прошу, пощадите! Пощадите, Ваше Величество! — Тянь Ци колотилась головой об пол, голос её дрожал от страха, и в конце концов она перешла на бесконечное повторение мольбы о пощаде. Она понимала, что попала в беду, и теперь единственной целью было остаться в живых.

Шэн Аньхуай, слушая это, подумал: вот же малец, умеет выкручиваться. Какое там неуважение — это же осквернение священного тела!

Он хорошо запомнил Тянь Ци. Шэн Аньхуай, как глава Управления внутренних дел, ведал назначениями всех евнухов, и Тянь Ци, чтобы попасть к Цзеюй Сун, наверняка задобрила его. Они были знакомы. Шэн Аньхуай неплохо относился к её наставнику и считал, что Тянь Ци — человек смысленный, поэтому был не прочь ей помочь. Но сейчас, видя, как она дерзко оскорбила императора, он не осмелился просить за неё и предпочел притвориться невидимкой.

Цзи Хэна раздражал этот шум: — Встань.

Тянь Ци, чутко ловившая любую реакцию императора, тут же замерла: — Благодарю, Ваше Величество. — Она встала и опустила голову, ожидая приговора.

Цзи Хэн вспомнил этого евнуха: недавно приставлен к Цзеюй Сун, язык подвешен, умеет угодить, больше ничего особенного. А, ну и внешность приятная. Среди евнухов есть красивые, но этот отличался — глаза чистые, совсем не как у евнуха.

Его мысли унеслись куда-то вдаль, и он невольно произнес: — Подними голову.

Тянь Ци послушно подняла голову. Хотя она не смела смотреть императору в глаза, веки её были опущены, но покрасневшие и опухшие от слез глаза были видны.

Как некрасиво... Цзи Хэн почувствовал скуку. Он сцепил руки за спиной и спросил: — Почему ты так горько плакала?

Вот оно! Тянь Ци знала, что сейчас решится её судьба. Она глубоко вздохнула и с тоской в голосе начала: — Госпожа была несравненной красавицей, и теперь, когда она ушла, даже простой человек не смог бы сдержать слез, что уж говорить о слуге, который был ею благодетельствован. А маленький принц... кто в этом дворце не ждал его появления, кто бы мог подумать... — Она вытерла слезы рукавом, украдкой взглянула на императора и добавила: — Госпожа была милостива к подчиненным, относилась ко мне как родитель к дитя. Теперь, когда её нет, я чувствую себя сиротой.

Шэн Аньхуай, стоявший рядом, подумал: вот же бесстыдник! Мне нравится!

Она не стала просить за себя, а лишь подчеркнула, как жаль усопшую, тем самым вызвав сострадание императора, и напомнила, как хорошо госпожа к ней относилась — разве можно казнить любимого слугу покойной перед её гробом?

Цзи Хэн прищурился, глядя на этого евнуха, похожего на раздувшуюся жабу — то ли она была искренней, то ли слишком умной.

Тянь Ци закончила и снова упала на колени.

Вспомнив, как этот слуга вытирал сопли о его халат, Цзи Хэн снова помрачнел.

Ладно, ладно. Смертной казни можно избежать, но наказание будет.

В итоге Тянь Ци приговорили к месяцу ночных дозоров в караульном помещении.

В караульном помещении обычно сидели провинившиеся евнухи. Работа не то чтобы тяжелая, но нужно было дежурить по ночам, да и поживиться там было нечем.

Наказание было довольно мягким, и Тянь Ци тихо вздохнула с облегчением. Император оказался милосердным правителем с душой благородного мужа.

Цзи Хэн назначил это наказание, решив, что раз евнух рыдал в одиночестве среди ночи, значит, сердце у него действительно чистое.

Они оба ошиблись в своих суждениях друг о друге.

На следующий день Тянь Ци зарегистрировалась в Управлении внутренних дел на новый пост и вернулась в Тринадцатый отдел.

Тринадцатый отдел находился за пределами Запретного города — там жили евнухи. Большинство обитало именно там, лишь те, кто дежурил ночью или постоянно находился при господах, имели право жить во дворце. Тянь Ци пробыла во дворце всего полмесяца и снова съехала — позор, конечно, но у неё была толстая кожа, так что она не сильно переживала.

Вернувшись, она обнаружила, что её место никто не занял, и это было хорошо. В комнате жили трое, остальные двое отсутствовали. Тянь Ци завалилась спать, чтобы набраться сил перед ночной сменой.

Проснувшись, она увидела, что занавеска у двери колыхается, и в проеме показалась голова.

Тянь Ци: — ...

Кажется, она снова забыла запереть дверь.

Голова увидела, что она проснулась, и ослабилась: — Щенок!

Тянь Ци поспешно вскочила и пригласила вошедшего: — Наставник! Какой ветер вас принес? Разве вы не должны быть при госпоже Дэ-фэй?

— Я по делам, заодно решил заглянуть, — тот вошел с помощью Тянь Ци и сел. Она тут же налила ему чаю. — Не суетись, я ненадолго, просто поболтать.

Этого человека звали Дин Чжи, он был наставником Тянь Ци с тех пор, как она попала во дворец. Его звали Дин Чжиюань, но, став евнухом, он счел это имя ироничным — какие бы амбиции у тебя ни были, ты всё равно евнух — и сократил его до Дин Чжи.

Сейчас он был младшим евнухом в Императорском управлении, четвертый ранг, всего один шаг до настоящего евнуха.

Хотя большинство евнухов подчинялись двадцати четырем ведомствам, они часто совмещали службу при женах императора, так как там давали больше наград. Конечно, не у всех господ были деньги, и на такие должности никто не рвался, их распределяло Управление внутренних дел. Тянь Ци и Дин Чжи совмещали две должности, а такие, как Шэн Аньхуай, — и вовсе

несколько.

Дин Чжи служил Дэ-фэй. Она была на два года старше императора, не красавица, да и возраст брал свое, поэтому она выбрала путь добродетели. Детей у неё не было, но император иногда навещал её.

Тянь Ци позвала младшего евнуха, чтобы принес кипяток, заварила чай и подала Дин Чжи.

Тин Чжи открыл крышку: чай был прозрачным, как нефрит, а листья в нем раскрылись и плавали, словно живые. Он вдохнул аромат и сразу взбодрился.

— Лушань Юньу, — сказал он, открыв глаза. — Отлично! Ты, малец, как золотые грабли — всё лучшее к тебе липнет. Где раздобыл?

Тянь Ци почесала в затылке: — Госпожа Цзеюй угостила. Знала, что вы любите такой, хотела принести, но тут случилось несчастье, и я забыла.

Дин Чжи помешивал чай крышечкой, наслаждаясь ароматом: — Вижу, неплохо ты устроилась у Цзеюй Сун.

— Неплохо-то неплохо, да недолго, — с грустью ответила Тянь Ци.

Дин Чжи отставил чашку: — Не падай духом. Эта ушла, придет другая. В гареме всегда кто-то добивается успеха. Ты малец смывленный, найдешь еще, к кому прибиться.

Тянь Ци покачала головой: — Наставник, вы не знаете — за какой корабль я ни возьмусь, он идет ко дну. — Она показала три пальца: — Уже три раза. Честно говоря, я опустила руки.

Дин Чжи припомнил, что так оно и было, и проникся сочувствием. Он начал давать советы: — Может, сходишь погадать? Старик Лю из Императорской кухни вроде умеет.

— Не напоминайте, я уже ходила. Сказал, что у меня судьба слишком тяжелая, приношу несчастья хозяевам.

— И что делать? — Дин Чжи заволновался за ученика. — Есть способ это исправить?

— Ничего, — Тянь Ци покачала головой. — На самом деле старик Лю не очень-то надежен. Он еще сказал, что у меня судьба императрицы.

Дин Чжи рассмеялся: — Ну и наплел же он! Если бы ты была служанкой, еще куда ни шло, а с такой внешностью, может, и правда бы пристроилась.

Разговор перешел на сплетни о служанках, и Тянь Ци, чтобы сменить тему, рассказала, как вчера случайно оскорбила императора и была наказана.

Дин Чжи удивился: — Как это вышло?

Тянь Ци рассказала всё, опустив историю с платком и соплями — просто сказала, что от горя не заметила императора.

Дин Чжи посочувствовал ей, утешил и засобиравшись уходить. Тянь Ци отдала ему половину пакета с чаем, и наставник ушел, сияя от радости.

Проводив его, Тянь Ци не могла уснуть. Прослonyaвшись до вечера, она рано поужинала и отправилась в караульное помещение.

В третью стражу она стояла на сторожевой башне и смотрела вдаль — словно ночной корабль, потерявшийся в океане. Вдалеке мерцали фонари, словно маяки или чьи-то глаза, наблюдающие из тумана.

Тянь Ци вздрогнула.

Не от страха — от холода. Посреди ночи силы человека слабеют, а она стояла на ветру. Холод пробирался под одежду, казалось, что внутренности залили ледяной водой.

В Запретном городе и за его пределами все спали, и только ей, несчастной, приходилось колотить в колотушку.

Закончив смену, Тянь Ци подняла голову. Звезды усыпали небо, луна была похожа на серп. Темно-синее небо напоминало перевернутую чашу, в которой рассыпались зерна риса.

Она проголодалась. Она знала, что ночью всегда хочется есть, но поспешила и не взяла еды.

Она вспомнила строчку: «Холодные звезды, гуси летят над заставой, на башне один человек опирается на перила». Тогда это казалось поэтичным, а теперь она поняла: чтобы опираться на перила, надо сначала плотно поесть, иначе это сплошное мучение.

Тянь Ци вздохнула, погладила живот и спустилась с башни.

В комнате она увидела худого евнуха, который спал, укрывшись одеялом. Тянь Ци разозлилась, пнула его пару раз, села рядом и натянула одеяло на ноги.

Она постучала головой о стену: завтра надо прийти пораньше.

Непонятно, что случилось с евнухами в последнее время, все стали такими тихими. В караульном помещении было всего двое наказанных и один надзиратель. Тянь Ци пришла как могла быстро, но всё равно опоздала.

Договорились: он бьет в колотушку в первой половине ночи, она — во второй.

Поскольку днем она немного поспала, она не чувствовала сонливости, но стоило ей задремать, как её разбудили: пора на смену.

Она вышла сонная, но, забравшись на башню, проснулась — от холода.

Теперь, закончив смену, она не смела спать. Она не знала этого евнуха и боялась, что он не разбудит её вовремя. Проспать — значит получить новое наказание.

Ладно, придется терпеть.

Тянь Ци боялась заснуть, поэтому, когда накатывала усталость, она выходила прогуляться, чтобы ветер разогнал сон, потом возвращалась, снова засыпала на ходу, снова шла на ветер...

Какое же это было мучение!

Наконец, после пяти страж, она закончила смену и помчалась в Тринадцатый отдел. Даже есть не стала — рухнула в постель. Проспав до самого вечера, она перекусила, захватила еды и поспешила обратно.

Не верю, что в этот раз ты придешь раньше меня!

Тот человек еще не пришел, и Тянь Ци довольно улыбнулась.

Его звали Ван Мэн, и на вид он был совсем не «мощным», а тощим, как беженец. Тянь Ци при виде него сразу хотелось его накормить.

И этот доходяга смеет соревноваться с ней? Да ни за что!

Тянь Ци заранее взяла пару сборников рассказов, читала и ждала. Когда пришел Ван Мэн, он ничего не сказал, просто сел рядом и взял вторую книгу.

Тянь Ци: — ...

Действительно, чувствует себя как дома.

Раз он был так спокоен, она тоже решила не мелочиться. После своей смены она отдала ему вторую книгу, скрестила руки на груди и прикорнула.

Однако спать совсем не хотелось. Она слишком много проспала днем.

В отличие от неё, Ван Мэн клевал носом, шатаясь при ходьбе. Закончив смену, он, боясь заснуть, тоже выходил прогуляться, как и Тянь Ци.

Тянь Ци смотрела на него с сочувствием, в котором было немного злорадства, но гораздо больше жалости. Все они были в одной беде, и не было нужды топить друг друга. В какой-то мере она считала себя добрым человеком. Поэтому она сказала Ван Мэну:

— Я днем выпалась, хочешь, я подежурю за тебя?

Если бы кто-то другой предложил Тянь Ци подобное, она бы сначала засомневалась, потом начала колебаться и в итоге отказалась. Но этот тщедушный паренек, услышав такое, поблагодарил её и тут же повалился спать.

Через мгновение раздался храп. Несмотря на невзрачную внешность, храпел он внушительно — словно весенний гром грохотал прямо на лежанках. Тянь Ци казалось, что стены слегка вибрируют.

Она подумала, что сболтнула лишнее от нечего делать. Но слово — не воробей, а она была не из тех, кто подличает исподтишка. Раз уж не спится, пусть будет добрым делом.

В тот момент она и представить не могла, что этот поступок подарит ей шанс на спасение.

После смены Тянь Ци, по обыкновению, направилась в Тринадцатый отдел, чтобы доспать. Но не успела она закрыть глаза, как её кто-то поднял. Открыв глаза, она узнала человека — это был евнух из дворца Цяньцин.

Зачем евнуху из императорской свиты приходить к ней? У Тянь Ци появилось нехорошее предчувствие.

Евнух сказал:

— Император зовет тебя на допрос, поторапливайся.

У Тянь Ци зашумело в голове. Она медленно сползла с лежанки, обулась и накинула халат, попутно выудив из-под ящика на лежанке кусочек серебра и сунув его ему в руку:

— Простите за беспокойство... С чего это Император вспомнил обо мне?

Тот вернул серебро в руку Тянь Ци:

— Узнаешь, когда увидишь Императора. Я лишь передаю слова, больше ничего не знаю.

Тянь Ци поняла: лишнего не скажет. Дело наверняка серьезное и уж точно не сулит ничего хорошего. Она гадала: неужели в караульном помещении она допустила промах, или Император решил, что наказание было слишком мягким и хочет добавить?

Это было очень плохо.

Со страхом в сердце она последовала за евнухом во дворец Цяньцин. Шэн Аньхуай проводил её в теплые покои, где она пала ниц перед Цзи Хэном.

Цзи Хэн мельком взглянул на неё и больше не обращал внимания.

Лучше хранить молчание, чем суетиться. Раз Император молчит, Тянь Ци послушно стояла на коленях, не произнося ни слова. Прослужив семь лет евнухом в Запретном городе, она прекрасно знала правила. Сейчас она стояла на коленях, выпрямив спину и не шевелясь, даже не чувствуя боли в суставах.

Цзи Хэн читал книгу и, увлекшись, не хотел прерываться, поэтому игнорировал Тянь Ци.

Она украдкой осмотрелась. В огромных покоях никого не было, Шэн Аньхуай ждал снаружи. Огромная императорская кровать с поднятыми ярко-желтыми пологам, на которых виднелись вышитые драконы того же цвета. Тянь Ци с любопытством подумала: как Император может спать спокойно при таком ярком цвете?

Цзи Хэн полулежал за столом, подложив подушку под мышку и опираясь плечом о край стола. Его ноги были вытянуты на лежанке, сапоги он не снял, и их голенища упирались в край лежанки.

С того места, где стояла Тянь Ци, он казался лежащим боком прямо перед ней. Мягкая ткань одежды облепила тело, подчеркивая линии его фигуры, изгиб талии, от которой свисала нефритовая подвеска, рассыпав ярко-желтые кисточки по лежанке. Его ноги, сложенные одна на другую, выглядели длинными и прямыми.

В голове Тянь Ци мгновенно всплыло выражение: Нефритовое тело, распростертое во всей красе.

Кхм-кхм-кхм... От этой мысли, оскверняющей священную особу, Тянь Ци стало не по себе. Словно почувствовав её взгляд, Цзи Хэн внезапно поднял веки и посмотрел на неё.

Тянь Ци покраснела и поспешно опустила голову.

Цзи Хэн продолжил чтение. В комнате воцарилась тишина, слышно было лишь шуршание страниц.

В теплых покоях было уютно и тихо, безветренно. Сначала Тянь Ци держалась бодро, но потом голова начала тяжелеть.

По её привычному графику это было время, когда она должна была спать без задних ног. К тому же после бессонной ночи усталость давала о себе знать, затуманивая рассудок и ослабляя самоконтроль.

Цзи Хэн, листая книгу, вдруг услышал тихий храп.

Он замер, отложил книгу, огляделся и, наконец, остановил взгляд на ком-то, кто стоял на коленях, опустив голову.

Заснула? И храпит?

Цзи Хэн не мог поверить своим глазам. Он встал, подошел к Тянь Ци и присел перед ней. Она закрыла глаза, дыхание было ровным, щеки слегка розовели — она действительно спала. Брови были сдвинуты, словно ей было не слишком удобно.

Да и как может быть удобно спать на коленях?

Цзи Хэн внимательно изучал её лицо. Овальное лицо, белая кожа с нежным румянцем. Высокий лоб, тонкие изящные брови. Длинные ресницы, изгиб которых казался таким живым. Маленький носик, пухлые алые губы идеальной формы — даже без румян и помады лицо выглядело безупречно.

Такая внешность — и вдруг евнух.

Цзи Хэн с сожалением покачал головой. Он коснулся пальцем её длинных ресниц, она зажмурилась, но не проснулась.

Видимо, была слишком вымотана. Она опустила голову, прижав подбородок к груди, из-за чего и возник храп.

Человек выглядел изящно, и храп был таким же тихим, словно лениво мурлыкающая кошка в коридоре.

Цзи Хэн встал. Он вспомнил донос, который на неё подали, и невольно покачал головой. Преждевременные роды Чжаои Сун были странными, как и её смерть. Придворные дамы, заправлявшие гаремом, не смогли ничего выяснить, и ему пришлось взять дело в свои руки. Сначала он не считал Тянь Ци причастной, но вчера кто-то доложил, что этот евнух слишком тесно общается с другими, а преждевременные роды начались как раз после прихода Тянь Ци. Вот он и решил вызвать её на допрос.

Но кто бы мог подумать, что она просто уснет на коленях.

Он никогда не видел таких дерзких слуг, но это доказывало одно: у неё чистая совесть. Если бы она была замешана в смерти Чжаои Сун, как бы хорошо ни притворялась, она не смогла бы так крепко спать перед лицом Императора.

И Цзи Хэн, не дожидаясь допроса, поверил ей. Он пнул Тянь Ци в колено:

— Вставай.

Тянь Ци почмокала губами и продолжила спать.

Цзи Хэн был вынужден схватить её за воротник и поднять. Тянь Ци медленно открыла глаза, и, увидев перед собой то самое лицо, едва не лишилась чувств. Она вытаращила глаза.

Видя, как её глаза, похожие на косточки фиников, вдруг превратились в абрикосы, Цзи Хэн невольно усмехнулся. В хорошем настроении он решил не наказывать её за дерзость. Он отпустил её:

— Возвращайся.

Тянь Ци не знала, что этот сон заслужил ей такое доверие. Она была в недоумении, не понимая, что это за представление устроил Император, и немного испугалась: неужели она снова совершила глупость?

Как бы то ни было, на этот раз она ушла невредимой. Тянь Ци решила, что Император, хоть и чудаковат, но добр и великодушен.

В будущем ей придется вычеркнуть эти два последних качества жирными крестами.

На третий день, заступив в караульное помещение, Тянь Ци уже сдружилась с Ван Мэном. Они делились историями и едой, болтая друг с другом.

Ван Мэн служил в Управлении вин, уксуса и лапши. Пусть название ведомства звучало не слишком солидно, это было хлебное место. Поэтому, хотя его ранг был ниже, чем у Тянь Ци, она ему даже завидовала.

Парня отправили в караульное помещение за то, что он кому-то насолил. Это была обычная причина опалы евнухов. По сравнению с этим, причина опалы Тянь Ци звучала устрашающе.

Что? Оскорбление Императора?!

Не только Ван Мэн, но даже евнух-надзиратель, услышав это, вытаращил глаза и покачал головой, сочувствуя беде Тянь Ци. Но она была и везучей: после оскорбления Императора она даже не получила палок, значит, её черная полоса еще не дошла до предела.

Дело было не в том, что Император был таким уж кровожадным, была одна причина: он ненавидел евнухов.

А ненавидел он их из-за психологической травмы, оставленной ему покойным отцом. Тот император в государственных делах был лишь номинальной фигурой, а к тому же взрастил влияние евнухов, позволив им захватить власть. Они ходили по дворцу с высоко поднятой головой, и даже высшие чиновники должны были заглядывать им в рот.

Это было возмутительно.

У евнухов на уме были только деньги, а не управление страной. Стоило им получить власть, как они начинали творить ужасные вещи. Чиновники, годами грызшие гранит науки, ненавидели и презирали этих евнухов, но были бессильны и в нужные моменты должны были им угождать.

Но самым страшным было не это. Самым страшным было то, что один всесильный евнух в сговоре с наложницей пытался убедить Императора свергнуть наследника и поставить на его место сына этой наложницы.

Тем наследником, которого чуть не свергли, был нынешний Император.

Вот так и завязалась эта вражда.

Скажите, мог ли Император любить этих евнухов?

Поэтому первым делом после восхождения на престол он искоренил их влияние. Глава евнухов Силицзяня и все остальные зачинщики поплатились головами. В день казни глава Далисы лично наблюдал за исполнением приговора, и весь город высыпал на улицы, чтобы посмотреть на это. Весь двор ликовал, и именно тогда авторитет Императора укрепился. Хотя никто не говорил об этом вслух, все пришли к молчаливому согласию:

Ты гораздо лучше своего отца!

Императору было всего восемнадцать, когда он взошел на престол, и эта блестящая победа позволила ему сосредоточить власть в своих руках. Чиновники, увидев его хватку, больше не смели плести интриги. Так что, несмотря на юный возраст, ему не пришлось столкнуться с проблемой, знакомой многим молодым правителям: как найти общий язык со старыми сановниками.

Прошло пять лет, многое изменилось, но одно осталось прежним: он ненавидел евнухов.

С учетом всего этого, то, что Тянь Ци отправили лишь в караульное помещение, доказывало, насколько милостив был Император.

Тянь Ци была удивлена. Она вспомнила свои выходки: вытирала нос об одежду Императора, спала перед ним. Все это выглядело как преступление, за которое полагалась смертная казнь. Почему же он был так снисходителен?

Когда случается беда, одни ищут причины в себе, другие — в окружающих. Тянь Ци не относилась ни к тем, ни к другим. Ей было плевать, кто прав, кто виноват, она любила искать заговоры.

Неужели Император затевает что-то грандиозное?

Она занервничала, но тут же успокоила себя: Император — правитель Поднебесной, он слишком занят, чтобы тратить время на мелкого цзяньчэна.

Ван Мэн видел, как выражение лица Тянь Ци меняется, словно в калейдоскопе, и не знал, что у неё на уме. Приближался первый час ночи, он толкнул её:

— Эй, пора бить в барабаны.

Сегодня Тянь Ци снова пришла рано. Но она днем выпалась и знала, что не уснет до утра, поэтому махнула рукой:

— Бей в первую половину ночи. Мне сегодня спать не нужно.

Ван Мэн не стал спорить.

После смены Тянь Ци опустила голову и быстро зашагала прочь, но Ван Мэн догнал её.

Видя, что она не обращает на него внимания, он прошептал:

— Знаешь, ты на пороге смерти.

Тянь Ци резко остановилась, потерла глаза и спросила:

— Это я не проснулась или ты бредишь? — И собралась уходить.

Ван Мэн догнал её:

— Я просто считаю, что ты неплохой человек, и хочу помочь.

Тянь Ци так хотела спать, что не желала слушать его бред. Но Ван Мэн тащился за ней до самого Тринадцатого отдела и даже бесцеремонно вошел в её комнату.

Войдя, он сказал:

— Сними пояс.

Хлоп!

Не успев подумать, Тянь Ци влепила ему пощечину.

Ван Мэн прикрыл лицо, обиженно пробормотав:

— Ты что, подумала, что я хочу тебя домогаться? Как ты себе это представляешь — евнух домогается другого евнуха?

Тянь Ци потерла нос, глядя на быстро распухающее пятно на его лице, и почувствовала вину:

— Что ты хочешь сделать?

— Сними пояс, мне нужно проверить.

Тянь Ци подчинилась, сняла пояс и передала ему.

— Ножницы.

Она подала и ножницы.

Ван Мэн сел у стола, распорол шов на поясе и потряс его над столом, высыпав на поверхность какой-то порошок.

Тянь Ци удивилась:

— Что это?

Ван Мэн взял щепотку, понюхал и попробовал на вкус:

— Здесь персиковые косточки и сафлор — для улучшения кровообращения; мускус и листья сенны — холодные по природе, вызывают расстройство; есть еще спорынья и фитолакка — они ядовиты. Есть и другие компоненты. Все это измельчено в порошок и спрятано в твоём поясе.

Тянь Ци не разбиралась в медицине, но смысл поняла и мгновенно побледнела.

Ван Мэн взглянул на неё:

— В общем, эти средства крайне опасны для беременных. Скорее всего, именно из-за этого у Чжаои Сун случился выкидыш.

У Тянь Ци подкосились ноги, она рухнула на стул, прошептав:

— Откуда ты это знаешь? Ты уверен?

Ван Мэн кивнул:

— Честно говоря, моя семья занималась медициной, потом мы совершили преступление, и я был вынужден стать евнухом. Я с детства различаю эти травы, хоть и не касался их много лет, но всё ещё узнаю.

Тянь Ци смотрела на распоротый пояс, чувствуя, как внутри всё холодеет. Это была она. Она убила Чжаои Сун. Чжаои Сун была так добра к ней, а она, сама того не ведая, впустила волка в огород. Она оказалась для неё проклятием.

Во дворце чувства холодны, искренних людей мало, а интриг — хоть отбавляй. Тянь Ци приближалась к Чжаои Сун с определенной целью, но искренне хотела служить ей. Теперь, узнав, что именно она стала причиной её смерти, она почувствовала, как судьба жестоко посмеялась над ней. Почувствовав зуд на лице, она коснулась его — это были слезы.

Ван Мэн вздохнул:

— Не плачь, лучше подумай, что делать. — Он поднял пояс на пальце. — Тебя использовали, и теперь ты оправдаться не сможешь. Если эта штука попадет к Императору, тебе и десяти голов не хватит.

Тянь Ци вытерла лицо, взяла пояс и потрясла его — высыпалось еще много порошка.

Порошок был зашит по всей длине, и вытряхнуть его до конца было невозможно. Тянь Ци сжала пояс и сказала Ван Мэну:

— Спасибо.

Ван Мэн отмахнулся:

— Не за что. Не бойся, я никому не скажу.

Тянь Ци кивнула:

— Я знаю. Если бы хотел навредить, не сказал бы.

Ван Мэн не хотел ввязываться в дальнейшее и ушел. У Тянь Ци пропал сон, она смотрела на пояс, и мысли лихорадочно крутились в голове.

Этот пояс ей собственноручно передал её наставник Дин Чжи. Когда она получила должность цзяньчэна, Дин Чжи помог ей получить новую одежду.

Дин Чжи был человеком наложницы Дэ-фэй.

Дэ-фэй не была в фаворе, а Чжаои Сун — была. У Дэ-фэй не было детей, а Чжаои Сун была беременна.

Тянь Ци не осмелилась думать дальше. Хотя у Дин Чжи была не лучшая репутация, их связывали семь лет наставничества, неужели он мог сам толкнуть её в огненную яму?

Но в этом дворце, кроме денег и власти, разве можно кому-то доверять? Даже отцы и сыновья, братья убивают друг друга, что уж говорить о наставниках?

Однако обвинить Дин Чжи только на основании пояса было нельзя. И пойти к нему с вопросами она не могла — это было бы равносильно тому, чтобы самой вложить козырь ему в руки.

Ладно, о наставнике потом, сейчас важнее, что делать с этим поясом. Вытряхнуть нельзя, отстирать тоже — как ни старайся, мастер все равно узнает.

Лучший способ — уничтожить улики. Но одежда евнухов выдается по строгим нормам, пояс цзяньчэна отличается от пояса чансуя. Если она уничтожит этот, где взять такой же? Идти в швейное управление? Это всё равно что признаться.

Тянь Ци внезапно осознала еще одну серьезную проблему: её использовали, и если тот, кто это сделал, решит донести на неё, что она будет делать? Побыва ножом, а теперь станет козлом отпущения?

Неважно, виновна она или нет, если дело вскроется, её жизнь кончена. Даже такой великодушный Император не пощадит её.

Учитывая отношение Императора, заказчику действительно нужен был такой козел отпущения.

Что же делать?!

Тянь Ци чувствовала, что стоит на острие ножа, и её жизнь висит на волоске.

<http://bllate.org/book/22267/2330909>